

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ
О
ГОМЕОПАТІИ.

ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

Л. Е. БРАЗОЛЯ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

стенографическихъ отчетовъ преній

и

дополнительныхъ примѣчаній автора.

Изданіе третье.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая Скоропечатня Я. И. Амбурмана, Фонтанка, д. № 86.

1896.

Предисловіе къ третьему изданію.

Послѣдніе годы особенно богаты брошюрами, представляющими гомеопатію въ превратномъ видѣ и въ неправильномъ освѣщеніи. Поэтому явилась необходимость выпустить новое третье изданіе Публичныхъ Лекцій о Гомеопатіи, изъ которыхъ читатель можетъ узнать, что такое гомеопатія въ дѣйствительности, а не только въ изложеніи ея противниковъ. Это новое изданіе сохраняетъ безъ существеннаго измѣненія первоначальный текстъ самыхъ лекцій съ сопровождавшими ихъ преніями въ Педагогическомъ Музеѣ и съ дополнительными примѣчаніями лектора къ преніямъ. Позднѣйшія возраженія разныхъ авторовъ здѣсь оставлены безъ вниманія, въ виду того, что эта очень скучная полемическая работа должна со временемъ послужить темою отдѣльной книжки.

Послѣдняя изъ издаваемыхъ нынѣ пяти лекцій была читана авторомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ и Петербургѣ и теперь въ первый разъ появляется въ печати.

Докторъ Медицины Л. Бразоль.

С.-Петербургъ.
Январь 1896.

О ГОМЕОПАТИЧЕСКОМЪ ЗАКОНѢ ПОДОБІЯ. (*)

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Дредметъ, о которомъ я буду имѣть честь съ Вами сегодня бесѣдовать, относится, собственно говоря, къ области медицины и заслуживалъ бы серьезнаго обсужденія въ обществѣ врачей. Но нетерпимость официальныхъ представителей медицины къ одному слову „гомеопатія“, какъ Вамъ извѣстно, на столько велика, что попытки мои возбудить этотъ вопросъ въ медицинскомъ обществѣ остались безуспѣшны. А между тѣмъ я всегда имѣлъ желаніе возбудить интересъ именно врачей къ этому жгучему вопросу въ терапіи. Писать объ этомъ въ одномъ изъ періодическихъ или специальныхъ изданій, обладающихъ большимъ кругомъ читателей также изъ среды врачей, для меня, какъ я по личному опыту знаю, оказалось невозможнымъ, потому что ни медицинская, ни общая пресса не принимаетъ статей, хотя бы косвенно клонящихся въ пользу гомеопатіи. Писать отдѣльныя сочиненія или брошюры по этому предмету также не достигается цѣли, потому что сочиненія эти не читаются врачами и главнымъ образомъ потому, что медицинская пресса даже не принимаетъ публикаціи о выходѣ въ свѣтъ сочиненій гомеопатическаго содержанія, не доводитъ ихъ до свѣдѣнія врачей, замалчиваетъ ихъ и съ самаго

*) Публичная лекція, читанная въ большой аудиторіи Педагогическаго Музея 10 февраля 1887 г. (Записана стенографически).

появленія ихъ, такъ сказать, обрекаетъ ихъ на неизвѣстность. Мало ли есть превосходнѣйшихъ сочиненій по части гомеопатіи, гомеопатической терапіи и фармакологіи, въ иностранной литературѣ, преимущественно въ нѣмецкой и англійской, которыя совершенно неизвѣстны врачамъ и о которыхъ они не имѣютъ даже никакого представленія? Молчать же я считаю даже не приличнымъ, и не столько потому, что гомеопатія ex officio и ex cathedra изображается въ превратномъ или каррикатурномъ видѣ, но главнымъ образомъ потому, что врачи, практикующіе эту систему лѣченія, тайно и явно, печатно и словесно, открыто и изъ-за угла, всегда и вездѣ подвергаются со стороны противниковъ ихъ всевозможнымъ обвиненіямъ въ невѣжествѣ, шарлатанствѣ, эксплуатаціи кармана легковѣрной публики и прочимъ инсинуаціямъ.

Имѣя за собою десятилѣтній опытъ практическаго врача и выработавъ себѣ извѣстныя терапевтическія убѣжденія путемъ литературныхъ занятій, критическаго размышленія и главнымъ образомъ путемъ наблюденій надъ больными, я считалъ бы даже несогласнымъ съ моимъ факультетскимъ общаніемъ умолчать объ этихъ убѣжденіяхъ. Поэтому я съ величайшею радостью воспользовался представившеюся мнѣ возможностью прочитать публичную лекцію въ Педагогическомъ Музеѣ, въ надеждѣ на то, что придутъ меня послушать и врачи. Я радъ, что не ошибся. Имѣю удовольствіе видѣть здѣсь весьма многихъ, лично мнѣ извѣстныхъ врачей и знаю о присутствіи многихъ, мнѣ лично не извѣстныхъ. Благодарю ихъ за честь, которую они мнѣ оказали посѣщеніемъ моей аудиторіи; буду главнымъ образомъ имѣть въ виду именно ихъ, товарищей моихъ по профессіи, и постараюсь высказать предъ ними мою *profession de foi* и потому буду говорить языкомъ профессиональнымъ, хотя, надѣюсь, вполне понятнымъ и большинству публики изъ не-врачей.

Я желалъ бы еще заручиться Вашею снисходительностью: мнѣ въ первый разъ приходится говорить въ такой многочисленной аудиторіи; и, кромѣ того, присутствіе въ этой залѣ двухъ разнородныхъ и противоположныхъ элементовъ,—съ одной стороны враждебныхъ, а съ другой дружелюбныхъ, если не лично ко мнѣ, то къ предмету, представителемъ котораго я здѣсь являюсь,—нѣсколько лишаетъ меня того спокойствія, которое необходимо лектору для того, чтобы успѣшно справиться со своею задачею. При оцѣнкѣ моей бесѣды, надѣюсь, что Вы будете имѣть въ виду эти смягчающія вину обстоятельства.

Программа моя, имѣющаяся у Васъ въ рукахъ, какъ Вы изволите видѣть, довольно обширна. Поэтому постараюсь быть краткимъ и яснымъ и ограничусь только самымъ существеннымъ. Первые пункты, которые, мнѣ кажется, не могутъ подлежать особенно серьезному возраженію, я разберу только вкратцѣ и остановлюсь болѣе подробно на послѣднихъ.

Гомеопатія зиждется на трехъ непоколебимыхъ столбахъ или основахъ, изъ которыхъ первый есть законъ подобія, второй—гомеопатическая фармакологія и третій—гомеопатическія дозы. О двухъ послѣднихъ, о гомеопатическихъ дозахъ и фармакологіи, я сегодня говорить не буду, потому что не успѣю, и это не входитъ въ рамку моей сегодняшней бесѣды. Ограничусь только разъясненіемъ главнаго и существеннаго принципа гомеопатическаго лѣченія, именно закона подобія, и постараюсь Вамъ разъяснить, на чемъ основанъ выборъ лѣкарствъ врачами-гомеопатами.

Извѣстно, что лѣкарственные вещества, поступая посредственно или непосредственно въ кровь, приходятъ въ прикосновеніе со всѣми частями организма; но не всѣ части организма одинаково поражаются ими, не всѣ клѣтки, ткани и органы одинаково реагируютъ на извѣстнаго лѣкарственного раздражителя, а лишь только тѣ, которыя имѣютъ къ нему извѣстное избирательное или фізіологическое сродство. Напримеръ: *Belladonna*, *Opium*, *Hyosciamus*, дѣйствуютъ главнымъ образомъ на головной мозгъ; т. е., головной мозгъ есть одинъ изъ тѣхъ органовъ, къ которому эти лѣкарственные вещества имѣютъ фізіологическое и предпочтительное сродство, между тѣмъ какъ отъ безчисленнаго множества другихъ лѣкарственныхъ веществъ головной мозгъ остается болѣе или менѣе не затронутымъ. Точно также *Aconitum*, *Digitalis* и *Spigelia* дѣйствуютъ на сердце, т. е., сердце есть одинъ изъ органовъ, къ которому эти лѣкарства имѣютъ фізіологическое сродство. *Sepia*, *Secale cornutum* и *Sabina* дѣйствуютъ на матку; *Cantharis*, *Terebintina*, *Copahiba*—на мочевые органы; *Mercurius*, *Argentum nitricum* и *Ferrum*—на кровь; *Aconitum*, *Bryonia* и *Colchicum*—на серозныя оболочки; *Arsenicum* и *Sulfur*—на кожу; *Podophyllum* и *Kali bichromicum*—на двѣнадцати-перстную, *Aloes*—на толстую кишку; *Chininum* и *Acidum salicylicum*—на внутреннее ухо; *Aconitum*—на чувствительныя окончанія тройничнаго нерва; *Gelsemium*—на двига-

тельные вѣточки шестой, *Conium*—третьей пары нервовъ и т. д. и т. д. Словомъ, всѣ лѣкарственные вещества имѣютъ опредѣленную *локализацию* дѣйствія.

Но кромѣ такой опредѣленной локализациі, т. е., избирательнаго или физиологическаго сродства всѣхъ лѣкарственныхъ веществъ къ извѣстнымъ органамъ и тканямъ, каждое лѣкарственное вещество проявляетъ еще извѣстный, опредѣленный и законосообразный *характеръ* дѣйствія, который проявляется болѣе или менѣе неизмѣнно, въ какомъ бы видѣ и какими бы путями мы ни вводили его въ кровь, т. е., путемъ ли проглатыванія и всасыванія изъ желудочно-кишечнаго канала на всемъ его протяженіи, или путемъ вдыханія распыленныхъ частицъ легкими, или посредствомъ впрыскиванія растворовъ его въ подкожную клѣтчатку, или непосредственнаго введенія въ вены и т. д. Лѣкарственные вещества, пробѣгая по безконечнымъ лабиринтамъ сосудистыхъ и лимфатическихъ путей, каждый разъ не только неуклонно попадаютъ на такія клѣтки, ткани и органы, къ которымъ они имѣютъ физиологическое, элективное, или въ этомъ смыслѣ специфическое сродство, но эти затронутыя части, кромѣ того, каждый разъ отзываются на своего физиологическаго раздражителя извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ, находящимъ свое внѣшнее выраженіе въ видѣ многообразныхъ патологическихъ процессовъ, имѣющихъ опредѣленные наименованія въ носологической таблицѣ болѣзней. Такъ, напр., въ физиологическомъ дѣйствіи ртути, меркурія, мы имѣемъ воспаленіе полости рта, т. е., ту носологическую форму, которая называется *stomatitis*; въ физиологическомъ или токсикологическомъ дѣйствіи фосфора мы имѣемъ костоѣду (*caries*) нижней челюсти; въ физиологическомъ дѣйствіи свинца имѣемъ потерю двигательной способности конечностей, преимущественно верхнихъ, т. е., ту носологическую форму, которая называется *paralysis*. Словомъ, въ физиологическомъ или патогенетическомъ, т. е., болѣзнетворномъ дѣйствіи лѣкарственныхъ веществъ мы найдемъ всевозможныя формы болѣзней, какъ-то: эритему, пустулы, папулы, воспаленіе и всевозможныя формы накожныхъ болѣзней; гангрену, флегмону и отеки; гиперемію и воспаленіе всевозможныхъ внутреннихъ органовъ, мозговыхъ оболочекъ, плевры, легкихъ, почекъ, кишечнаго канала, т. е., тѣ носологическія формы, которыя описываются подъ именемъ *meningitis*, *pleuritis*, *pneumonia*, *nephritis*, *gastro-enteritis* и т. п. Затѣмъ найдемъ многочисленныя и *опредѣленные* функциональныя и

нервные расстройства (гиперестезіи, анестезіи, невралгіи, аналгезіи, судороги, параличи и т. д.); и, наконецъ, цѣлую вереницу многочисленныхъ и *неопредѣленныхъ* болѣзненныхъ состояній, еще не нашедшихъ себѣ фізіологическаго объясненія и не поддающихся номинальной классификаціи, но каждодневно встрѣчающихъ себѣ подобныя образцы въ панорамахъ тѣхъ болѣзненныхъ картинъ которыя, представляются наблюденію практическихъ врачей, въ связи со всевозможными формами, видами, родами и отбѣнками болевыхъ и субъективныхъ ощущеній.

Такимъ образомъ, существуетъ несомнѣнный параллелизмъ между естественными и лѣкарственными болѣзнями, иначе сказать: лѣкарственные болѣзни могутъ составлять отдѣльную этиологическую группу болѣзней.

Будучи введены въ кровь, лѣкарственные вещества обладаютъ способностью нарушать фізіологическое равновѣсіе человѣческаго организма, разстраивать его здоровье и вызывать въ немъ извѣстныя патологическія состоянія или болѣзненные картины, которыя для каждаго лѣкарственнаго вещества имѣютъ свое особенное патологическое содержаніе, свой особенный органическій фонъ или субстратъ, свои особенныя краски и нюансы. Это есть *патогенетическое* или болѣзнетворное дѣйствіе лѣкарственныхъ веществъ.

Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что лѣкарственные вещества обладаютъ *терапевтическими* свойствами, т. е., способностью благотворно дѣйствовать на теченіе и исходъ, геср. на излѣченіе многихъ болѣзненныхъ процессовъ, т. е., выводить ихъ изъ патологическаго состоянія къ фізіологическому; и не подлежитъ также сомнѣнію, что эти терапевтическія свойства лѣкарственныхъ веществъ всецѣло зависятъ отъ ихъ фізіологическихъ свойствъ, т. е., отъ способности такъ или иначе вліять на здоровый человѣческій организмъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, лѣкарственные вещества производятъ болѣзнь, съ другой—излѣчиваютъ болѣзнь. Конечная цѣль и идеальное стремленіе научной терапіи должно было бы заключаться въ томъ, чтобы найти, если можно, руководящій законъ дѣйствія лѣкарственныхъ веществъ, т. е., найти то отношеніе, которое должно существовать между болѣзненнымъ процессомъ и лѣкарственнымъ веществомъ. для того, чтобы послѣднее стало „лѣкарственнымъ“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е., исцѣляющимъ для даннаго процесса. Имѣя такой законъ и зная тогда

характеръ, родъ и свойство патологическихъ процессовъ съ одной стороны и характеръ, родъ и свойство физиологическаго дѣйствія лѣкарствъ съ другой, мы могли бы смѣло и вѣрно примѣнять послѣднія къ излѣченію первыхъ съ шансами на успѣхъ, приближающимися къ достовѣрности.

Можно имѣть различныя мнѣнія о гомеопатіи, но никто не можетъ отрицать, что такой всеобщій законъ былъ предложенъ Ганеманомъ и формулированъ имъ въ своемъ извѣстномъ терапевтическомъ принципѣ: „*Similia Similibus Curantur*“, т. е., подобное подобнымъ лѣчится,—посредствомъ котораго устанавливается фактъ опыта и наблюденія.—что между болѣзненнымъ процессомъ и лѣкарственнымъ веществомъ должно существовать отношеніе сходства или подобія, т. е., лѣкарственные вещества могутъ излѣчивать такія патологическія состоянія, какія они же сами въ состояніи произвести въ здоровомъ человѣческомъ организмѣ.

Такъ какъ, можетъ быть, не всѣмъ изъ Васъ, Милостивые Государи и Государыни, извѣстно, какъ Ганеманъ дошелъ до этого закона, то я вкратцѣ напому Вамъ, что онъ дошелъ до него двоякимъ путемъ. Однажды, онъ ради эксперимента, принялъ большой пріемъ хинной корки, который, къ удивленію его, вызвалъ у него лихорадочный пароксизмъ, чрезвычайно сходный съ тою лихорадкою, которою передъ тѣмъ онъ самъ страдалъ и которая была излѣчена хиною. Этотъ простой фактъ поразилъ этого геніальнаго наблюдателя и послужилъ ему тѣмъ яблокомъ Ньютона, которое впослѣдствіи привело его къ закону подобія. Онъ сталъ задумываться надъ этимъ явленіемъ и искать ему объясненія.

Тогда онъ прежде всего установилъ изъ медицинской литературы и изъ собственной практики цѣлый рядъ исцѣленій разнообразныхъ болѣзненныхъ процессовъ посредствомъ лѣкарственныхъ веществъ, считавшихся въ то время специфическими противъ нихъ. Затѣмъ, справляясь въ медицинской литературѣ, старой и новой, относительно дѣйствія этихъ лѣкарственныхъ веществъ на здоровый человѣческій организмъ, онъ, къ удивленію своему, каждый разъ находилъ, что они вызываютъ въ немъ болѣзненное состояніе, въ высшей степени сходное съ только-что излѣченною болѣзнію. Затѣмъ онъ перевернулъ экспериментъ и во второмъ рядѣ наблюденій, гораздо болѣе важномъ, онъ сталъ испытывать на самомъ себѣ и на другихъ здоровыхъ людяхъ дѣйствіе лѣкарственныхъ веществъ, до тѣхъ поръ мало извѣстныхъ

медицины, и, опредѣливши со свойственною ему проницательностью ихъ физиологическій характеръ дѣйствія, онъ сталъ примѣнять эти лѣкарственные вещества въ болѣзненныхъ состояніяхъ, въ высшей степени сходныхъ съ тѣми, какія они вызывали у него и у другихъ экспериментаторовъ; результатомъ чего было каждый разъ быстрое и полное излѣченіе болѣзненного процесса.

Такимъ образомъ, изъ перваго ряда опытовъ, продолжавшихся 6 лѣтъ, Ганеманъ пришелъ къ заключенію, что лѣкарственные вещества, способны излѣчивать болѣзненный процессъ, способны также и вызывать такой же болѣзненный процессъ въ здоровомъ человѣческомъ организмѣ. Изъ втораго же ряда опытовъ, продолжавшихся 9 лѣтъ и затѣмъ всю его жизнь, онъ пришелъ къ заключенію, что лѣкарственные вещества, способны производить извѣстное болѣзненное состояніе въ здоровомъ человѣческомъ организмѣ, способны также излѣчивать подобное болѣзненное состояніе, происходящее отъ другихъ причинъ.

Тогда,—значить, послѣ многихъ лѣтъ усидчивыхъ, добросовѣстныхъ и безпристрастныхъ занятій и наблюденій,—онъ позволилъ себѣ обобщить свои наблюденія въ извѣстный гомеопатическій законъ: „*Similia Similibus Curantur*“, т. е., подобное подобнымъ лѣчится, — который, слѣдовательно, былъ найденъ, экспериментально доказанъ и логически установленъ посредствомъ строго научнаго *индуктивнаго* метода. Какъ и всѣ законы природы, найденные путемъ заключенія отъ частнаго къ общему, и гомеопатическій законъ имѣетъ значеніе апостеріорное, т. е., основанное на опытѣ и наблюденіи, и въ настоящее время даже не нуждается въ апріористическихъ или дедуктивныхъ доказательствахъ, хотя они возможны и существуютъ. Мы имѣемъ точно также непреложный физическій законъ, что притяженіе между тѣлами прямо пропорціонально ихъ массамъ и обратно пропорціонально квадратамъ разстоянія дѣйствующихъ тѣлъ. Это законъ, я говорю, непреложный; но тѣмъ не менѣе онъ составляетъ необъяснимую эмпирическую тайну и не можетъ быть доказанъ апріорно, т. е., не можетъ быть выведенъ изъ абстрактнаго мышленія. Тоже самое и съ гомеопатическимъ закономъ подобія. Вся его принудительная сила основана на опытѣ и наблюденіи, и онъ во всякое время, во всякомъ мѣстѣ можетъ быть провѣренъ каждымъ врачомъ, у кого раскрыты духовные глаза для воспріятія впечатлѣній и критической оцѣнки своихъ наблюденій. И

если прежде и можно было съ нѣкоторымъ правомъ сдѣлать Ганеману упрекъ въ легкомысленной индукціи на основаніи будто бы недостаточнаго количества наблюденій, то въ настоящее время такой упрекъ уже невозможенъ, потому что законъ „*similia similibus curantur*“ съ тѣхъ поръ милліоны разъ былъ провѣряемъ многочисленными, безусловно честными и образованными и неоспоримо компетентными врачами во всѣхъ пяти частяхъ свѣта съ неизмѣнно одинаковымъ успѣхомъ и результатомъ; такъ что по внутреннему достоинству и по количеству наблюденій, положенныхъ въ настоящее время въ основу Ганемановскаго принципа, индуктивное заключеніе „*similia similibus curantur*“ пріобрѣтаетъ всю полновѣсную силу достовѣрнаго закона природы.

Однако Ганемановская формула „*similia similibus curantur*“ — подобное подобнымъ лѣчится—можетъ имѣть весьма эластичное и растяжимое значеніе, смотря по большому или меньшему количеству сходственныхъ признаковъ, которые будутъ признаны необходимыми для установленія логическаго понятія сродства или подобія между естественною и лѣкарственною болѣзью. Мы, напр., въ геометріи имѣемъ понятіе или опредѣленіе подобія трехъугольниковъ и знаемъ, что они подобны, коль скоро стороны ихъ пропорціональны. Но подъ такое опредѣленіе можно подвести безчисленное множество трехъугольниковъ, которые будутъ всѣ подобны, коль скоро стороны ихъ пропорціональны. Слѣдовательно, нужно ближе опредѣлить, въ какомъ смыслѣ должно быть понимаемо это гомеопатическое подобіе.

Объ этомъ Ганеманъ, между прочимъ, говоритъ въ своемъ „*Органонѣ*“ слѣдующее: „для того, чтобы быть истиннымъ художникомъ въ искусствѣ лѣченія и дѣйствовать на раціональныхъ основаніяхъ, врачъ долженъ прежде всего опредѣлить въ точности, *что* должно лѣчить въ каждомъ данномъ случаѣ“, т. е., долженъ распознать болѣзнь. Для распознаванія же болѣзней нужно руководствоваться не спекулятивными гипотезами и теоретическими предположеніями о неизвѣстной сущности болѣзней, а исключительно „доступными чувствамъ симптомами болѣзней, т. е., обращать вниманіе на такія измѣненія въ состояніи души и тѣла больного, которыя ощущаетъ самъ больной, видятъ его окружающіе и наблюдаетъ врачъ. Совокупность всѣхъ этихъ признаковъ представляетъ себою возможно полную и единственно доступную намъ картину болѣзни во всемъ ея объемѣ“ (§§ 3 и 6).

Не вдаваясь въ описаніе историческихъ заблужденій Ганемана и несовершенства патологіи, діагностики и фармакологіи въ его время, но, принимая въ вниманіе весь ходъ развитія медицинскихъ наукъ отъ Ганемана и до нашего времени, мы должны сказать, что и въ настоящее время сходство или подобіе между естественными и лѣкарственными болѣзнями, можетъ и должно быть устанавливаемо на основаніи точнаго анализа совокупности всѣхъ клиническихъ явленій, т. е., какъ объективныхъ, такъ и субъективныхъ признаковъ и симптомовъ болѣзни. Терапевтический принципъ и его логическое выраженіе остались тѣ же, но объемъ его сталъ шире и содержаніе полнѣе. И такъ какъ съ одной стороны семіологія, т. е., часть медицины, трактующая о признакахъ болѣзни и ихъ значеніи, обогатилась преимущественно объективными симптомами, т. е., такими, которые независимы отъ самочувствія пациента, а могутъ быть констатированы врачомъ и открыты имъ при помощи микроскопа, химическаго анализа и вообще посредствомъ физическихъ методовъ изслѣдованія, и такъ какъ, съ другой стороны, послѣдователямъ Ганемана неоднократно ставилось въ вину, что они пренебрегаютъ объективными симптомами, то я нѣсколько останавлиюсь на значеніи объективныхъ и субъективныхъ симптомовъ для практическаго осуществленія нашего закона; это очень важно и требуетъ нѣсколько болѣе подробнаго разсмотрѣнія, потому что послужить къ разъясненію того, что мы подразумѣваемъ подъ словомъ „подобіе“.

Объективные симптомы имѣютъ чрезвычайно важное значеніе для опредѣленія *родового* или *патолого-анатомическаго* характера болѣзни, и никто въ настоящее время не станетъ спорить, что всевозможныя болѣзни легкихъ, плевры, сердца, почекъ не могутъ быть діагностированы, т. е., распознаны безъ точнаго анализа объективныхъ симптомовъ. Кромѣ того, усовершенствованіе діагностики, въ связи съ успѣхами патологической анатоміи, позволяетъ намъ, на основаніи объективныхъ симптомовъ, правильно судить о стадіи или періодѣ развитія извѣстнаго патологическаго процесса и дѣлать правдоподобныя заключенія о продолжительности и о вѣроятности того или другаго исхода его. Такимъ образомъ, мы теперь въ состояніи во многихъ случаяхъ правильно толковать патологическое значеніе объективныхъ признаковъ и симптомовъ, какъ естественныхъ, такъ и лѣкарственныхъ болѣзней; и это уже большой шагъ впередъ, потому

что, зная патологическій субстратъ весьма многихъ болѣзненныхъ процессовъ, мы имѣемъ съ тѣмъ знаемъ, что эти болѣзненные процессы могутъ излѣчиваться такими лѣкарственными веществами, которыя способны воспроизвести въ здоровомъ человѣческомъ организмѣ тождественную или въ высшей степени сходную патологическую картину. Мы, напр., имѣемъ болѣзненную форму, которая называется гипереміею мозга. Мы знаемъ, что *Belladonna* также вызываетъ въ здоровомъ человѣческомъ организмѣ гиперемію мозга. Значить, на основаніи нашего закона *Belladonna* и будетъ однимъ изъ лѣкарственныхъ веществъ противъ гипереміи мозга. *Cantharis* вызываетъ конгестивное воспаленіе почекъ, слѣдовательно оно и будетъ терапевтическимъ средствомъ противъ такого воспаленія почекъ. *Sulzema*, *Mercurius solgosisvus*, имѣетъ специфическое дѣйствіе на прямую кишку, въ которой вызываетъ жестокое воспаленіе, нерѣдко съ крупознымъ и дифтеритическимъ эксудатомъ, съ болью и рѣзью внизу живота, съ кровянистыми испражнениями, сопровождаемыми сильными натугами, словомъ воспроизводитъ картину болѣзни, въ высшей степени сходную съ дизентеріею. Слѣдовательно, сулема, въ малыхъ дозахъ, будетъ гомеопатическимъ средствомъ противъ дизентеріи, происходящей отъ какихъ либо другихъ причинъ, хотя бы отъ предполагаемыхъ микробовъ. *Arsenicum* имѣетъ специфическое дѣйствіе на тонкія кишки, въ которыхъ вызываетъ жестокое воспаленіе и патологическое состояніе, настолько сходное съ холернымъ, что даже самъ Вирховъ находить невозможнымъ по микроскопическому виду отличить арсеникальное отравленіе отъ холернаго. Кромѣ того, и вся клиническая картина болѣзни, начиная съ первичнаго озноба, затѣмъ послѣдующаго жара, судорогъ, рвоты, поноса, задержанія мочи, упадка силъ и т. д., все это представляетъ разительное сходство съ нѣкоторыми формами холеры. Слѣдовательно, на основаніи нашего закона, *Arsenicum* и будетъ однимъ изъ лѣкарственныхъ веществъ противъ холеры, происходящей отъ естественныхъ причинъ, напр., отъ предполагаемой, но отнюдь не доказанной въ своемъ значеніи Коховской „запятой“, что и подтверждалось уже безчисленное множество разъ во всевозможныхъ холерныхъ эпидеміяхъ.

Такимъ образомъ мы знаемъ, что всевозможныя патологическія формы болѣзней могутъ излѣчиваться такими лѣкарственными веществами, которыя способны воспроизвести въ здоровомъ организмѣ тож-

дественную или въ высшей степени сходную патологическую форму болѣзни. И такъ, логическая сфера опредѣленія закона подобія значительно суживается и ограничивается ея патологическимъ содержаніемъ, но еще далеко не исчерпывается имъ.

Во многихъ случаяхъ патологическая сущность болѣзней намъ не извѣстна, и мы ежедневно сталкиваемся на практикѣ съ такими болѣзненными формами, которыя не укладываются въ категорію нозологическихъ классификацій и не имѣютъ опредѣленныхъ наименованій. Но тѣмъ не менѣе имѣютъ весьма реальное существованіе, составляютъ предметъ жалобъ одержимыхъ ими пациентовъ и требуютъ излѣченія. Въ такихъ случаяхъ гипотетическій „планъ лѣченія“, построенный на гадательномъ патолого-анатомическомъ діагнозѣ, не можетъ вѣрно вести къ цѣли и ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на научность, потому что все дѣло лѣченія въ такихъ случаяхъ будетъ сводиться на игру счастья, удачи или случая, или ограничиваться грубосимптоматическимъ или эмпирическимъ лѣченіемъ. Мы же въ такихъ случаяхъ, оставаясь вѣрными своему закону, назначаемъ такіа лѣкарственныя вещества, которыя вызываютъ въ здоровомъ организмѣ сходную болѣзненную картину, хотя бы патологическая сущность ихъ была намъ не вполне извѣстна. Какъ примѣръ такой *опредѣленной* клинической болѣзни съ неизвѣстною патологическою сущностью, я могу привести такъ называемую въ нозологическихъ таблицахъ *эссенциальную астму*. Существуетъ-ли при этой болѣзни спазмъ бронхіальныхъ мышцъ, или тоническая судорога діафрагмы, или сосудо-двигательное разстройство центральнаго или периферическаго происхожденія на пути дыхательнаго тракта, или гипереретизмъ продолговатаго мозга, или еще какой-нибудь таинственный X, Y или Z, играющій роль важнаго фактора въ этой болѣзни,—мы не знаемъ. Но мы знаемъ, что нѣкоторые лѣкарственные вещества, напр., Arsenicum, Ipecacuanha, Lobelia и др. воспроизводятъ въ своемъ физиологическомъ дѣйствіи полный комплексъ объективныхъ и субъективныхъ симптомовъ, характеризующихъ астму. Слѣдовательно, на основаніи нашего закона, эти *астмогенныя* лѣкарственные вещества, т. е., производящія астму въ здоровомъ человѣческомъ организмѣ, будутъ въ нашихъ рукахъ *анти-астматическими*, т. е., будутъ въ состояніи излѣчивать астму, происходящую отъ неизвѣстныхъ причинъ.—О многочисленныхъ *неопредѣленныхъ* болѣзненныхъ состояніяхъ съ неизвѣстною